

Митрополит Сурожский Антоний
ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД БОГОМ
ЗАКОН ЖИЗНИ

Беседа в Лондоне во время великопостного говения, 1982 г.

Внимание к себе. Грех как нарушение закона жизни. Любовь

Говение — это какой-то период времени, либо короткий, либо продолжительный, когда человек вдруг делается внимательным к тому, что перед ним — вечность и что в эту вечность можно войти только с сознанием глубины и значительности жизни. Внимательными мы делаемся, конечно, не только в моменты, когда собираемся на говения, но и когда вдруг перед нами станет трагичность, серьезность жизни; мы делаемся серьезными и глубокими перед лицом смерти, перед лицом страдания, перед лицом болезни: перед лицом всего, что ставит под вопрос нашу беспечность и нашу забывчивость. Отцы Церкви говорили, что беспечность, невнимательность, нерадение совершают больше зла в жизни людей, чем те или другие конкретные грехи. Потому что грех может нас поразить своим безобразием, своей пошлостью или своим ужасом; а нерадение, забвение того, что судьба человека глубока, что судьба человека раскрывается в вечность и уходит в глубины Божии, — это разрушает нас глубоко и порой окончательно: до такой степени, что человек мельчает и уже не может ни выпрямиться, ни вырасти в меру своего величия. А человек по призванию — велик; по призванию человек глубок. Так глубок, так велик, что Сам Бог во Христе смог стать человеком. Вот мера человеческого величия; вот о чем нам надо знать и думать в течение всей нашей жизни.

И вот говение периодически — и как редко! — нас заставляет хоть на несколько часов остановиться и оглянуться на себя. И оглядываясь на себя, мы в первую очередь должны поставить перед собой вопрос: живу ли я достойно своего человеческого звания или живу я поверхностной, пустой жизнью, где забывчивость, нерадение, беспечность убивают самые благородные порывы моей собственной души и заглушают голос Самого Бога, Который нам говорит о том, что мы Ему так дороги, что ради нас Он не пожалел Своего Единородного, возлюбленного Сына.

Когда мы думаем о грехе, мы большей частью думаем о злых поступках, о пустых, гнилых словах, о помыслах, которые недостойны не только Бога, но даже нас самих, о чувствах, о которых мы сами знаем, что они пошлы, низки, недостойны нас.

Но грех охватывает гораздо большие области нашей жизни, нашего существования, нашего бытия. Грех — это нарушение законов жизни; а закон жизни заключается не в том, чтобы уметь прожить светской жизнью успешно или хотя бы безопасно протянуть бытие свое в течение тех лет, которые нам дает Господь. Жить — значит постепенно — открытостью души, верностью законам жизни — приобщиться к жизни Самого Бога. Потому что другой жизни в полном, настоящем смысле слова нет: есть существование, есть бывание, но жизнь — только Божия. И лишь поскольку мы приобщены этой жизни Божией, мы можем говорить о том, что мы живы. Все другие формы жизни кончаются со смертью: телесной, умственной...

Жизнь чувств и воли — все придет к концу, когда пожнет нас смерть. И только вечная жизнь, которой нам дано приобщиться уже на земле, как волна, вынесет нас навсегда в полноту жизни. Этим объясняется то, что апостол мог сказать: кто нарушил одну заповедь — нарушил весь закон (Иак. 2,10). Не в том смысле, что мы будем отвечать за нарушение каждой заповеди, а потому что не все ли равно, где мы перешли через рубеж, где мы перешли с одного берега на другой: мы или на одном берегу, или на другом; мы или в стране рабства, или в стране борьбы и устремленности к полноте жизни, к земле обетованной.

Вот почему святые не считали, что есть грехи мелкие и грехи значительные; почему о том, что кажется нам ничтожным нарушением закона любви, они плакали, будто совершили убийство: они знали, что, нарушив закон жизни, они перешли на другой берег, они уже *во стране и сени смерти* и им надо покаянным трудом и верностью не только чувств и мыслей, но верностью всей своей воли и подвигом — и душевным, и телесным — вернуться в область жизни. Уйдя от света, надо вернуться к свету. И вновь скажу: не все ли равно, где мы перешли этот рубеж, — мы или на одном берегу, или на другом.

Этим объясняется то, что и апостол Павел, и святой Симеон Новый Богослов говорят: пока мы во Христе — мы вне греха; как только мы выпадаем из этого единства со Христом, мы в области греха. Бывают в жизни каждого из нас моменты, когда мы, погруженные в молитву, глубоко ли задумавшись, или просто по какому-то чуду Божией близости, вдруг чувствуем, что все злое, все мертвящее, все нечистое и оскверняющее, все темное, все пошлое отошло от нас так далеко, что даже кажется непонятным, как мы могли этим жить. Охватывает нас чувство, что все это нам чуждо до конца, и единственное, что имеет смысл, что является содержанием нашей души, нашего сердца, мысли, что охватывает самое тело наше — это жизнь, это Бог. В

такие минуты мы действительно вне области греха. Но остаться вне этой области мы можем отчасти силой благодати Божией и отчасти беспощадной верностью тому, что мы пережили, тому, что, как мы вдруг осознали, является действительно содержанием нашей собственной души и нашей собственной жизни. И поэтому грех — не просто нарушение Божией воли, нам как бы навязанной, будто Божия воля — указание нам извне о том, как жить, чтобы Ему угодить. Грех — это нарушение самого опыта жизни, который в нас есть, это преступление против нас самих, это самоубийство. И самоубийство в очень страшном, очень сильном смысле этого слова, потому что это убийство в нас самих вечной жизни; это извержение из нас Божией жизни; это отречение от жизни Божией ради того, чтобы жить поверхностно, бесчувственно, легко, как нам кажется.

И опять-таки это объясняет слова Апостола: грех — это вражда против Бога, это извержение Бога из нашей жизни; не только совершаемый грех, но греховное *состояние*, при котором мы не хотим вторжения Божия в нашу жизнь, не хотим, чтобы Он ворвался в эту жизнь и ее изменил. Грех в этом смысле — да, вражда; без слов, даже почти без действий. Он только в том, что мы отворачиваемся от Бога и говорим: мне не нужно этого! Мне довольно того, что дает земля: здоровье, успех, дружба, любовь, пища, красота, — мне всего этого довольно, мне не нужно чего-то большего, я до конца удовлетворен... Так можно, как нам кажется, жить; на самом деле — прозябать, существовать, влачить свое существование. Потому что в нас все равно остается искра жизни, которую в нас вложил Господь. Мы думаем, что живем земным, тогда как на самом деле мы живем еще не исчерпанной Божией жизнью в нас, дыханием жизни, которую Он вдохнул в нас, силой и порывами жизни, которые Он нам даровал.

И вот в периоды говения, в минуты, когда собирается в нас вся наша вдумчивость, вся серьезность наша, нам надо подумать именно о грехе не только в наших поступках или словах, чувствах или мыслях, а в этом основном аспекте греха: грех как отречение от закона жизни, как отказ от жизни. Конечно, с этим связано многое, что мы привычно называем грехом: нарушение заповедей Ветхого Завета, нарушение заповедей Христовых, попираание Блаженств. Но заповеди даны нам во исцеление наших насмерть заболевших души и тела. Мы ранены насмерть. И мы можем исцелиться, то есть вновь стать цельными, целыми, только если мы будем верны тому пути, который ведет к жизни, — хотя бы пути, если мы еще не знаем самой жизни, если нас еще не может вдохновить сознание, что мы живы и что для сохранения этой жизни стоит сделать что угодно, только бы ее

не потерять, только бы не растратить ее вновь. И понимая, что грех есть нарушение закона жизни, отвращение от Бога, вражда с Ним, мы справедливо обращаемся к тем заповедям, которые нас могут привести хотя бы обратно к тому рубежу, который нам надо перейти; обращаемся уже не из страха, не в надежде, что за труд нас вознаградит Господь, а по любви к Нему, возлюбив жизнь, возлюбив свет, став детьми света.

И вот, готовясь к исповеди — общей ли, частной ли — нам надо вдуматься в заповеди, которые Господь нам дал.

Они все сводятся к вопросу: любишь ли ты Бога, почитаешь ли Его или хотя бы уважаешь ли Его? Любишь ли ты ближнего? Любишь ли ты самого себя — не каким ты есть сегодня, а себя, каким ты можешь себя опознать в моменты просветленности, вглядываясь во Христа и зная, что Он — образ, Он — предел той вечной красоты, которая нам заповедана и к которой мы призваны.

Нельзя начать путь покаянный, не обратив взора к Богу. И поэтому первые заповеди Ветхого Завета говорят именно о любви к Нему, о поклонении, о признании Его своим Богом, Творцом, Спасителем, Святыней. И нам нельзя относиться легко к этим заповедям; нельзя исповедоваться, говоря: я всем согрешил...

Да — в мысли, в чувстве, в зачатках действий мы действительно, вероятно, все согрешили против каждой заповеди. Но если бы мы только осознали смертоносную силу греха, мы задумывались бы над каждой заповедью, взвешивая, как далеко эта смерть, этот яд проникли в меня? Насколько грех стал владеть мной? Насколько я возлюбил грех вместо Бога?.. И не надо говорить, что, конечно, мы любим Бога, а ненавидим грех; потому что вопрос стоит так: чью волю ты творишь? Чему посвящена твоя жизнь? Чего хочет твоя душа? И если мы можем сказать, что наша душа колеблется между соблазном и заповедью, между голосом сатаны, который нас зовет в область смерти, обещая (ложно, потому что он всегда лжет) блага, которые он нам не может дать, и голосом Божиим, которым Бог нас зовет к величию, к благодетству, к жизни, — если мы колеблемся, то мы уже должны каяться. Потому что это значит, что сердце наше по меньшей мере разделено, и говорить о своей любви к Богу мы не имеем права. Да, о проблесках любви, но не о той глубокой любви, о которой мы все знаем более или менее по отношению к людям.

И тот же вопрос стоит, когда мы задумываемся над заповедями об отношении к человеку: о зависти, о злобе, о хищничестве, о нечистоте. Тогда становится ясным, что о любви говорить рано. Потому что любовь заключается в том, в конечном итоге, что любимый делается для нас важнее нас самих, значительнее нас самих, и мы можем себя забыть ради любимого. А мы большей частью любим себялюбивой, жадной, хищнической «любовью». Это не любовь. И когда мы нарушаем закон любви к Богу и любви к ближнему, тогда мы совершаем, как я уже сказал, медленное самоубийство, принимая отраву — из года в год ее пьем, пока она нас совершенно не сгноит.

Так же можно задуматься над заповедями Христа. Заповеди Христа не говорят нам только, что надо делать. В форме заповедей Христос нам дает картину внутреннего строя человека, для которого так жить, как сказано в заповедях, стало естественным законом или, вернее, благодатным законом его жизни. Исполнять заповеди, будто они просто Божии приказы, веления, — недостаточно. Надо, чтобы наша воля и Его воля слились в одно, чтобы исполнением Его воли мы научились чувствовать и мыслить, как чувствует и мыслит Господь, и чтобы исполнение заповедей стало для нас внутренней необходимостью, так же как устремленность к здоровью, к цельности, к внутреннему строю является для нас необходимостью. Один из отцов Церкви, святой Марк Подвижник, говорит: если Господь тебе дает заповедь и ты сердцем не можешь ответить: Аминь! — то ты ее не исполнил, даже если делом ты ее совершил... Нам надо над этим задуматься, и задуматься серьезно, потому что жизнь течет, приближается время, когда каждый из нас встанет перед Божиим лицом; и тогда будет так больно и жалко, и стыдно, что целую жизнь мы отдали всему, кроме подлинной, истинной любви, и никогда не жили — потому что никогда не жили Божией жизнью. А время течет, и годы проходят; но и на молодость ссылаться не приходится, потому что, как говорится в покаянном каноне, и сильные и молодые умирают; и сколько, сколько сейчас таковых умирает по лицу всей земли. Поэтому встанем перед лицом вечности не со страхом, не испуганные смертью, а понимая, что дверь приоткрывается каждый день все больше и больше и что в какой-то момент она торжественно распахнется, и каждому из нас будет сказано: Гряди, иди, приходи!.. И тогда мы войдем в область жизни — какими? Мертвыми? Трусами? Или уже приобщенными, сколько это возможно на земле каждому из нас, к вечной жизни? Вольемся ли мы в эту жизнь торжествующе, ликующе, как возвращаются домой, на родину, в отчий дом, — или остановимся на пороге в недоумении, видя, что область жизни нам неизвестна?

В течение получаса, который теперь последует за беседой, разбредемся по храму, и пусть каждый из нас задумается: живет ли он или прозябает, находится ли он в стране жизни или в стране смерти? Задумаемся хотя бы над заповедями Ветхого Завета; над заповедями Христа, над заповедями Блаженства; поставим перед собой вопрос: выражают ли они наш опыт жизни? Выражают ли они то, к чему мы стремимся? Выражают ли они то, как мы живем? И произнесем над собой честный суд: строгий — да; но суд, который имеет целью не омрачить нашу радость, а вдохновить нас на то малое, что мы знаем о вечной жизни, держаться изо всех сил, возрастая, чтобы со временем нам войти в вечность с открытым лицом, с радостью. А до этого нужно, чтобы, когда мы становимся на молитву, встреча с Богом была для нас радостью, тихой, глубокой, вдохновляющей радостью, счастьем: наконец, Господи, мы вдвоем с Тобой! Наконец я могу жить! Наконец радость пришла!